

Г. А. ЛЕВИНТОН, И. П. СМЕРНОВ

«На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла

Литературный контекст цикла «На поле Куликовом» исследовался многократно, но все же реконструирован не полностью. Задача этой статьи — провести детальное сличение стихов Блока с такими древнерусскими памятниками, как «Слово о полку Игореве», Задонщина, Сказание о Мамаевом побоище, и вовлечь в сравнительный анализ литургическое творчество и другие книжные, фольклорные и обрядовые источники цикла. Следует подчеркнуть, что обнаруживаемые в цикле Блока цитаты полигенетичны по своей природе, — «чужое слово» используется здесь так же, как и в иных текстах поэта.¹ Вот почему в ряде случаев нельзя отдать предпочтение одному источнику перед другим, и в дальнейшем нам нередко придется говорить лишь о *возможном* круге текстов, на которые ориентировался Блок. Авторы не пытались исчерпывающе интерпретировать цикл, но, разумеется, не могли совсем избежать интерпретации, определяя функции цитат в стихах Блока и прослеживая связи, которые объединяют «На поле Куликовом» с другими — поясняющими цикл и освещающими его источники — произведениями поэта. Особая роль Блока в передаче поэтической традиции² побудила нас регистрировать цитирование стихов самого Блока, которое ориентировало его преемников на исследуемый здесь древнерусский материал.

В статье приняты следующие сокращения: НПК («На поле Куликовом»), НИ («Народ и интеллигенция»), ПС («Песня судьбы»), Р (цикл «Родина»);³ СПИ («Слово о полку Игореве»);⁴ ЗД («Задонщина»), СМП 2 (вторая, по С. К. Шамбинаго, редакция «Сказания о Мамаевом побоище»), СМП 3 (третья редакция того же памятника), РспрСМП (распространенная редакция «Сказания»);⁵ Стихотворения, вошедшие в НПК (т. 3, с. 249—253), обозначаются арабскими цифрами; вторая арабская цифра после точки отсылает к строкам, а римская цифра после точки —

¹ В. Жирмунский. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники. Л., 1964, с. 77—78; З. Г. Минц. Функция реминисценций в поэтике А. Блока. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. VI. Тарту, 1973, с. 402 и след.

² См., например: В. С. Баевский. Стихи Блока как текст и подтекст. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 63—68.

³ Все ссылки на эти и другие произведения Блока даются в тексте статьи по изданию: А. Блок. Собр. соч. в 8-ми т. М.—Л., 1960—1963.

⁴ В дальнейшем ссылки на СПИ (Слово о полку Игореве. Л., 1967) приводятся в тексте статьи.

⁵ Памятники Куликовского цикла цитируются по доступной Блоку публикации: С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (ЗД, с. 120—128; СМП, с. 3—190 второй пагинации).

к строфам отдельных стихотворений (например, 1.2 будет соответствовать второй строке первого стихотворения, а 1.II — второй строфе того же стихотворения).

1

Оценивая историю с символической точки зрения, Блок мыслил Куликовскую битву как прообраз современной ему ситуации,⁶ в которой роли главных действующих лиц отводились им народу и интеллигенции. Противопоставлению народа и интеллигенции как будто соответствует и проведенный Блоком отбор источников, послуживших основой НПК. К одному полюсу тяготеет фольклорный материал, к другому — письменный и литургический;⁷ среди книжных источников древнерусская словесность контрастирует с «интеллигентской» новой литературой; в последней в свою очередь Блок особо выделяет писателей, традиционно признаваемых «народными» (Пушкин, Гоголь, Некрасов; ср. в НИ: «В „Исповеди“ Горького ценно в действительности то, <...> что роднит Горького <...> с Гоголем; не с духом современной „интеллигенции“, но с духом „народа“», т. 5, с. 324).⁸ Однако текст НПК строится не на подчеркивании только что названных антитез, но на их снятии — на *неразличении* разных источников.⁹

Точно так же Блок нейтрализует и жанровые контрасты внутри собственного творчества, скрепляя сквозной темой целый ряд произведений, группирующихся вокруг НПК. Картина Куликовской битвы возникает не только в стихотворном цикле (где эпическая проблематика находит себе лирическое выражение), но и в прозаическом монологе Германа в драме «Песня судьбы» (противопоставление лирика — драма дополняется здесь противопоставлением стих — проза). Все компоненты эстетической триады эпос — лирика — драма объединяются в некое непрерывное образование. Вместе с тем куликовская тема появляется и в критической прозе Блока, в которой ощутимо смешение научно-публицистического и художественного начал (любопытно, что статья НИ была до опубликования прочитана как доклад, т. е. вобрала в себя черты ораторской речи). Если НИ в известной мере выводит мотивы НПК за пределы искусства, то набросок текста для кантаты «На поле Кулико-

⁶ См. автокомментарий к НПК: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение» (т. 3, с. 587). Подробнее об исторической концепции, воплощенной в НПК, см.: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока. (Цикл «На поле Куликовом»). — В кн.: Русская филология, вып. V. Тарту, 1977, с. 60—69.

⁷ Речь идет, разумеется, лишь о доминирующих признаках этих противочленов, поскольку литургические тексты, например, отчасти смыкаются с фольклорными как звучащая речь и обрядовая поэзия.

⁸ В то же время в НИ смех Гоголя и «хочот» Вл. Соловьева противопоставляются «усмешке мужика» (т. 5, с. 323).

⁹ Таким образом, у Блока (в отличие от акмеистов) разные источники не вступают между собой в диалогические отношения, что уже отмечалось исследователями: Р. Д. Тименчик. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 126. Ср. интересное наблюдение Омри Ронена: «В отличие от акмеистов, ощущавших семантический и стилистический потенциал цитаты как чужого слова и ценивших в ней дистанцированный повтор <...> в поэтике Блока предполагается новизна даже самых очевидных реминисценций в новом тексте, а связь между источником реминисценции и новым текстом, когда она осознана, воспринимается как узнавание своего в чужом» (О. Ронен. К истории акмеистических текстов. Опущенные строфы и подтекст. — Slavica Hierosolymitana, 1978, vol. III, p. 70).

вом» (музыка Ю. А. Шапорина) размыкает границы, разделяющие виды искусств.¹⁰

Уже начальное слово НПК (*река*) совмещает в себе фольклорное значение со значением конкретной топографической реалии Куликовской битвы. Но и эта конкретность относительна, поскольку в памятниках Куликовского цикла место битвы очерчено двумя водными рубежами — Доном и Непрядвой. В роли порубежной реки Непрядва упоминается, помимо НПК, и в НИ: «Есть между двумя станами <...> некая черта, на которой сходятся и стовариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами, явно враждебными; но как тонка эта нынешняя черта — между станами, враждебными тайно!<...> Не так ли тонка эта черта, как туманная речка Непрядва? Ночью перед битвой вилась она, прозрачная, между двух станов; а в ночь после битвы и еще семь ночей подряд она текла, красная от русской и татарской крови» (т. 5, с. 323—324).¹¹ В статье топографическая неоднородность реки становится особенно отчетливой, так как в ЗД кровью наполняется не Непрядва, а Дон: «...и Дон река три дни кровию текла» (с. 128); ср. обобщение в СМП 3: «...а реки по три дни кровию течаху» (с. 68).¹² Число значений *реки* увеличится, если учесть последовательно осуществлявшееся Блоком в НПК скрещивание памятников Куликовского цикла с СПИ, где также наблюдается скопление гидронимов.¹³ Нельзя не напомнить также о том, что в текстах Куликовского цикла важным сюжетным моментом была переправа русского войска через Москву-реку. Это открывает возможность для еще одной идентификации слова *река*, коль скоро оно предшествует в НПК теме пути и описанию боя (а также гидронимам *Дон* и *Непрядва*). Пейзаж первой строфы вообще может быть воспринят как среднерусский, на что указывал уже Г. П. Федотов: «...степь, где „грустят стога“, совсем не та степь, где растет ковыль <...> В первом случае степь взята вместо лугов, но взята умышленно, предваряя основную тему: тоска-печаль северного поля вливается в тоску-страсть южных степей».¹⁴

По мере развертывания блоковского цикла в семантическое поле *реки* попадают имена Непрядвы и Дона, причем элементы этого поля (включая сюда слово *мосты*) появляются в первых строфах стихотворений 2, 3 и 4, возвращая к 1.1 и усиливая тем самым связность цикла.¹⁵ Использование лексики, входящей в один семантический ряд с *рекой*, таково, что она по большей части получает метафорическое значение, указывающее на границу между «своими» и «чужими», обыденным и сверхъ-

¹⁰ Ниже будет показано также, что в НПК Блок использовал образы, воспринятые из живописи Врубеля. Ср. содержательные суждения З. Г. Минц и Ю. М. Лотмана о последовательной переориентации творчества Блока, на разных этапах соотносившегося с разными формами искусств: З. Г. Минц, Ю. М. Лотман. Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов. — Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 96—98.

¹¹ Здесь и далее курсив в цитатах из Блока и его литературных источников — наш (Г. Л., И. С.).

¹² Блок делает взаимозаменяемыми в НИ и два эпических числа — три и семь.

¹³ Смешение названий разных рек прослеживается в источниках НПК: в ЗД Калка ассоциируется и даже отождествляется с Каялой из СПИ (с. 120).

¹⁴ Е. Богданов [Г. П. Федотов]. На поле Куликовом. — Современные записки, 1927, т. XXXII, с. 419—420.

¹⁵ Ср. описанный В. А. Сапоговым прием формального сцепления стихотворений в блоковских лирических циклах (В. А. Сапогов. К проблеме стихотворной стилистики лирического цикла. — В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, с. 241), который можно сравнить с подхватом, тогда как обсуждаемый нами прием сопоставим с анафорой.

естественным и т. п. (ср. употребление этой лексики именно в начальных частях стихотворений НПК). Такая метафоризация в свою очередь заставляет соотносить с *рекой* слово *зарубежной* (тем более, что оно зарифмовано с эпитетом *безбрежной*, производным от *берег*). Это слово, как будто вполне мотивированное внутритекстовыми связями, обладает внетекстовой мотивировкой, более тесно сопрягающей его с темой Куликовской битвы. Мы имеем в виду духовный стих о Дмитрие Солунском — великомученике и воине, изображаемом с копьем и мечом, патроне Дмитрия Донского. В полном согласии с представлением о тождестве человека и его патрона,¹⁶ Дмитрий Солунский в духовном стихе побеждает войско Мамаю, при этом страна Мамаю, куда прогоняет его святой, четырежды на протяжении двадцати строк называется *порубежной*: «Отогнал он неверного царя Мамаю Во его страну в порубежную». В день памяти Дмитрия Солунского (26 октября) в литургию включается 292-е зачало Апостола (Второе послание к Тимофею, гл. 2, ст. 1—10) с мотивом «добраго воина Иисуса Христа» (примененным Блоком к Вл. Соловьеву). Вероятно, отсюда, как и из духовного стиха, выводится строка черногого варианта НПК: «Я — князь Христов. Сияют латы. . .» (т. 3, с. 589), отождествляющая Дмитрия Донского и Дмитрия Солунского.¹⁸

Именно в функции границы *река* связывает блоковский цикл не только с воинским, но и с широким фольклорным контекстом, в том числе с былинным и свадебным. В статье одного из авторов¹⁹ были специально проанализированы мотивы реки, берега и переправы в русском свадебном обряде и в творчестве Блока. Что касается НПК, то здесь отражение обряда наиболее очевидно в стихах: «А Непрядва убралась туманом, Что княжна фатой» (3.19—20).²⁰ Блоковская *княжна* не что иное как свадебное наименование невесты *княгиня* (в былинах — *княжна*), о чем свидетельствует параллель к этому месту в ПС: «И Непрядва убралась туманом, как невеста фатой» (т. 4, с. 149). Но вместе с тем это и великая княгиня из памятников Куликовского цикла. Аналогично: мотив тумана над Непрядвой таит в себе не только мифологиче-

¹⁶ Ср. другой духовный стих о видении, бывшем Дмитрию Донскому в Успенском соборе, и установлении им Дмитровской субботы (П. Бессонов. Калекти перекоже, вып. 3. М., 1861, с. 673—675).

¹⁷ Там же, с. 590.

¹⁸ По поводу символического значения тезоименности укажем на тот факт, что в НИ среди других деятелей культуры, противопоставленных интеллигенции в блоковском смысле слова, называется и *Дмитрий Менделеев*: «...интеллигенция (...) относилась с явной и тайной ненавистью к Менделееву» (т. 5, с. 324). Ср. *явную* и *тайную* враждебность двух станов в цитированном выше отрывке из НИ о Непрядве.

¹⁹ Г. А. Левинтон. Заметки о фольклоризме Блока. — В кн.: Миф—фольклор—литература. Л., 1978.

²⁰ Этот отзвук свадебного ритуала в НПК обсуждался в докладе Г. А. Левинтона на I Всесоюзной (III) блоковской конференции в Тарту (апрель 1975), а вслед за ним — В. Паперным в статье «К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока. . .» (с. 64). С фольклорной тематикой согласуется в разбираемых строках фольклорная отмеченность союза *что*; он контрастирует с союзами *как* и *словно*, которые сосредоточены исключительно в стихотворениях 4 и 5, противостоящих первым трем как соотносенные с эпохой Блока. Символическое возвращение исторического события корреспондирует, таким образом, с приемом поэтического сравнения; ср. особенно: «Доспех тяжел, *как* перед боем» (5.15) на фоне ситуации *перед* боем, рисуемой в трех начальных частях цикла. Показательно, что в стихотворении 1 черное сочетание: *как* стрела — татарской древней воли» (т. 3, с. 588) было заменено на творительный сравнения: «стрелой татарской древней воли» (1.7); между тем в стихотворении 4 творительный сравнения *волком*, постоянный в СПИ, послужившем главным источником этого фрагмента цикла (см. ниже), превращается в «*как* волк» (4.10).

ский смысл, но восходит к описанию ночи перед схваткой, представленному в разных редакциях СМП (ср., например, в СМП 3: «Бысть ж в ту нощь теплота велика и тихо велии и *мраци роснии явишась*», с. 60). Возможность двойного толкования *княжны* позволяет вовлечь в круг свадебной терминологии и слово *князь* (3.16), контаминирующее таким образом историческое и обрядовое значения (ср. также свадебное значение в слове *друг*, одном из ключевых в НПК). Это совмещение воинского и свадебного планов не противоречит книжным источникам цикла, для которых характерна метафора битва—брачный пир: «...ту кроваваго вина не доста, ту пирь докончаша храбрии Русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» (СПИ, с. 49); «бедно зрети детем боярским своего полку убиваема, плачущуся и непрестанно рвущеся, аки соколы, аки званнии на брак сладкаго вина пити» (СМП 2, с. 31); близкие чтения — в других редакциях.

Еще один случай слияния разных смыслов применительно к теме реки обнаруживается в стихотворении 2, начало которого («Не вернуться, не взглянуть назад», 2.2) намекает на переправу русского войска через Дон: «...аще ли, господине, хочещи крепкаго войска, то сего дни повели возитися за Дон, да не будет ни единого мыслящего назад» (СМП 2, с. 21).²¹ В СМП эта ситуация получает обобщение («...Ярослав бо перевезеся реку, Святополка победы, Александр реку перешед, короля свейского победы...», СМП 2, с. 21—22)²² и тем самым предвосхищает сопряженность разных битв в блоковском цикле. В то же время в тему переправы войска вкрапливается мифологический мотив оглядки (для Блока он мог быть представлен такими мифологическими персонажами, как Лоттова жена и Орфей, возвращающийся из Аида);²³ Дон приобретает черты реки смерти, переход через которую необратим. Эти же черты сообщают Дону эпитеты в стихе: «Перед Доном *темным* и *зловещим*...» (3.5) и параллелизм *перед Доном — перед боем* (5.15). Возвращаясь к вступительному четверостишию первой части цикла, следует сказать, что мотиву реки подчинена вся лексика этой строфы, включая даже стих 1.4, в котором *стога* и *стель* связаны с *рекой* повтором глагола *грустить*²⁴ («Река <...> грустит», «в степи грустят стога»), а также по смежности. В. И. Стеллецкий и В. Паперный²⁵ справедливо обуславливают совместную встречаемость *реки* и *стогов* словами ЗД: «Грозно и жалостно, братия, в то время посмотри, лежат трупы христианские у Дона великаго на брезе, аки сеньные стоги...» (с. 128). Этот

²¹ Об этом же см.: Н. Н. Евреинова. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе. — В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, с. 158—159. Несмотря на ряд заслуживающих внимания наблюдений, сделанных в этой работе, она не свободна от просчетов более общего плана; см.: И. П. Смирнов. В ожидании объединения. — РЛ, 1970, № 4, с. 220.

²² Ср. духовный стих об Александре Невском, где тот разбивает татар (П. Бессонов. Калекы перекоже, с. 669—671). Об активной роли водной стихии в службе Александру Невскому см.: П. Флоренский. Философия культа. — Богословские труды, сб. 17. М., 1977, с. 198.

²³ Об оглядке см.: Т. В. Цивьян. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о громовержце. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 188. Актуализация хтонического значения Дона у Блока согласуется с тем обстоятельством, что этот гидроним, как показал В. Н. Топоров, этимологически связан с индоевропейским именем бога вод (ср. Посейдон) (В. Н. Топоров. Еще раз об и.-е. *budh- (*Bhuedh-). — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 145).

²⁴ Ср. мотив тоски—скорби—туги в СПИ, ЗД и СМП.

²⁵ V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igors». — Zeitschrift für Slavistik, 1971, N 4, S. 569; В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока... с. 63.

контекст можно расширить за счет СМП 3: «...а жалостно видети и гръко посмотричи чловецьскаго кровопролитиа, аки морскаа вода, а трупы чловецьа аки сенная громады...» (с. 68). Существенно также то, что разные редакции СМП *открываются* мотивом русских хлебов, на которые зарится Мамай: «...не спешит царь <...> хочет бо на осен быти на русския хлебы» (СМП 2, с. 10). С картиной, складывающейся в первом четверостишии, правомерно сопоставить и изображение битвы-молотьбы в СПИ, разворачивающейся там, подчеркнем это, в речной пойме.²⁶

Итак, сквозь северный речной пейзаж просвечивает пейзаж после битвы²⁷ (ср. картину Васнецова на сюжет СПИ). Строфа рисует ситуацию, как бы подытоживающую события, излагаемые в первых трех стихотворениях НПК. Движение в глубь текста оказывается движением во времени и — соответственно — перемещением от текста к источникам. Этот суммирующий характер зачина объясняется прежде всего присущей НПК концепцией циклического времени с ее непроясненностью начал и концов (любопытно, что строка: «Но узнаю тебя *начало*...» (5.9) — стоит в *середине* последнего стихотворения).

Такая же временная неопределенность отличает стихотворения 3 и 4. Третья часть цикла как будто должна описывать события, происходящие после переправы через Дон, которая подразумевается во второй части, но тем не менее содержит в себе сочетание *перед Доном*. Поэтому стихи: «С полуночи тучей возносилась Княжеская рать» (3.9—10) — могут быть опознаны, в частности, как картина перехода через реку. Время стихотворения 2 с его грамматическим настоящим оказывается включенным во время стихотворения 3, завершающее четверостишие которого начинается словами: «И когда, наутро, тучей черной Двинулась орда...» (3.29—30).

Применительно к четвертой части НПК вообще нельзя сказать, время или пространство отделяют ее героя от битвы. Стихи: «Умчались, пропали без вести Степных кобылиц табуны...» (4.5—6) — указывают на временную дистанцию, а строфа 4. IV — на пространственную («Я слушаю <...> Я вижу <...> далече...», 4. 13—15). Двусмысленным выглядит здесь и словосочетание «за ветром взывают мечи» (4.28): вслед за ветром или отделенные ветром от героя? Однако второе чтение кажется более предпочтительным, потому что мотив прислушивания к звукам битвы, по всей видимости, отсылает нас к аналогичному мотиву в ЗД (с. 124) и в СПИ: «Что ми шумить, что ми звенить *далече* рано предъ зорями?» (с. 48). Этот мотив СПИ замыкает и стихотворение «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»,²⁸ которое датировано 1907 г., а также пере-

²⁶ Ср. в посвященных Блоку стихах Пастернака раскинувшуюся реку, кровавую косыбу, а вместе с ней и кровавую зарю (мотив, благодаря которому СПИ расширяется Пастернаком как блоковский источник): «Широко, широко, широко Раскинулись речка и луг <...> Зловец горизонт и внезапно, И в кровоподтеках заря, Как след незаживших царапин И кровь на ногах косаря. Нет счета небесным порезам...» (Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965, с. 465).

²⁷ Этим мотивируется и употребление глагола *грусить*: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока..., с. 63. Может быть, сочетание *грусят стога* фонетически и семантически имплицитно *тугу* источников (а в комбинации с *рекой* — и *Стугну* СПИ?).

²⁸ Отмечено в: V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igor's», S. 563. В то же время последняя строфа стихотворения «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» связана, как замечено В. Н. Топоровым, с «Рыбаком» Жуковского (В. Н. Топоров. К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок—Жуковский: проблема реминисценций. — Russian Literature, 1977, V—4, p. 352—353; ср.: *ibid.*, p. 370).

кликается с «Заключатьем огнем и мраком» (седьмая часть цикла).²⁹ В 5.5—8 вновь возникает та же самая цитата из СПИ, но там она присутствует в обращенной форме: «За тишиною непробудной, За разливающейся мглой *Не слышно грома битвы чудной, Не видно молнии боевой*».³⁰

2

Вокатив *Русь* в 1.11 связан с *рекой* вводного четверостишия прежде всего благодаря тому, что оба слова занимают позицию первой значимой лексической единицы в соответствующих строфах. Презумпция связности, столь существенная для поэтического произведения,³¹ вынуждает воспринимать вокатив (при отсутствии других показателей связности) как обращение к тому, что было описано в предшествующем отрезке текста. Реалии вступительной строфы могут быть опознаны поэтом как слагаемые типового русского пейзажа, как замещающие по принципу синекдохи понятие России. Параллелизм *реки* и вокатива при учете персонификации *Руси* заставляет вспомнить зачины фольклорных песен — свадебных и эпических (баллад, дум). Это сходство неочевидно, «спрятано», к тому же слова, которые объединяют первые две строфы НПК с фольклорными зачинами, известными, например, по свадебным песням (*река, берег*), стилистически нейтральны, то есть не являются показателями стилизации, которая проявляется только в самом параллелизме — в конструкции (такой прием можно назвать структурной стилизацией).³²

Именование *Руси женой* отвечает общей брачной теме НПК и всего большого цикла Р³³ и согласуется с двойственностью слова *князь*, при-

²⁹ Ср.: «Все равно ведь никто не поймет, Ни тебя не поймет, ни меня, *Ни что ветер поет нам, звеня...*» (т. 3, с. 291).

³⁰ В «Новой Америке» такие же отрицательные конструкции, сопутствующие мотивам СПИ (например: «*Не шеломами черпаю Дон*», т. 3, с. 269), служат средством временного дистанцирования, подобно союзу *как* в НПК (см. выше). Ср. комбинацию обоих блоков приемов у Адамовича: «И лебеди *не* плещут. И вдали Княгиня безутешная *не* бродит <...> И только ветер над зубцами стен Взмывает снег и стонет на просторе, *Как будто* Игорь вспоминает плен...» (цит. по: СПИ, с. 406).

³¹ См., например: С. И. Гиндин. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 14. М., 1971.

³² Этот вид фольклорных зачинов подробно обсуждается А. А. Потебней в связи с оборотом СПИ: «Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е. Харьков, 1914, с. 73 и след.). Отсылку к этому обороту у Блока находим в 5.6: «*За разливающейся мглой*». Лексика первого двустипшия НПК (*раскинулася*, «моет берега») как будто вводит тему разлива, не создавая картины разлившейся реки. Знакомство Блока с трудом А. А. Потебни (содержащим в себе постоянные сравнения фольклорного материала с текстом СПИ) безусловно подтверждается «Скифами». Комментируя фразу: «Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию» (СПИ, с. 46), А. А. Потебня рассматривает предлагавшуюся А. Н. Веселовским конъектуру *обида* вместо *бѣды*: «*Бѣда* в смысле мифологической личности тоже понятно, и нельзя доказать, что автор Слова о полку Игореве знал только Обиду, а не Беду» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, с. 30). Отсюда становится ясной замена плещущей крыльями Девы-Обиды *бедой* и перемещение *обиды* в соседнюю строку в стихах: «Вот — срок настал. Крыльями бьет беда, И каждый день обиды множит» (т. 3, с. 360). Сочетание же *обиды* и *дня*, быть может, восходит к приводимому А. А. Потебней причитанию: «Божья денечки в обиды провожатся...» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, с. 36).

³³ Отождествление России с женой (невестой) отражено в Р не только в тематике ряда стихотворений (ср.: невеста, Россия, т. 3, с. 269), но и в самой организации цикла: Л. Я. Гинзбург демонстрирует это на примере включения в Р таких «сугубо личных» стихов, как «Приближается звук...», «Сны» (Л. Я. Гинзбург. О лирике. Изд. 2-е. Л., 1974, с. 292—293).

надлежащего как к военно-государственной, так и к свадебной лексике. Блоковская тема Руси-жены восходит к традиции представления государства в облике женщины (ср. ритуал венчания на царство), в первую очередь — к аллегории Максима Грека³⁴ («Инока Максима Грека Слово, пространнее излагающе, с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»). Василия³⁵ Максима Грека, чье имя «не едино, но различно: и начальство <...> и власть и владычество, и господство»,³⁶ то и дело называется в аллегории *женой* (в значении «женщина»): «Мир тебе, о жено»³⁷ (ср. блоковский вокатив), «о честнейшая в женах»³⁸ (эта формула напоминает «ангелическое приветствие», обращенное Елизаветой к Марии и легшее в основу главной богородичной молитвы, ср. ниже). Однако у Максима Грека проводится и брачная тема, когда речь заходит о царях-«обручниках» («подручниках») «вдовеющей жены» Василии. Родство НПК и текста Максима Грека подтверждается тем, что слово *жена* в обоих случаях соседствует со словом *пути*: «шествуя по пути жестоце и многих бед исполненнем, обретох жену, сидящу при пути»;³⁹ «како убо, неправедне ли прикладается пути пусту треокаянный сей век, а сама вдове жене, и вдовства ризами одяна сижу»;⁴⁰ «вдовеющей жене подобна сежу, при путе пусте, окаянного, глаголю, нынешняго века».⁴¹ В результате сравнения НПК с произведением Максима Грека, повествующем о государственных «нестроениях», становится более понятной общая трагическая окраска темы Руси-жены, причем особенно важно, что в источнике Блока о «нестроениях» говорится как о болезнях страны, как о «градском недуговании»; ср. хотя бы: «...сама убо облегчиси малым чим от томящия тебе болезни».⁴² Блок ставит слово *боль* в стихе 1.5 рядом с *Русью* и *женой* и затем воспроизводит сходное смысловое сцепление в 2.14: «Долго будет родина больна»⁴³ (ср. рифму *больна — жена*).

Впрочем, ту же тему болезни Руси мы находим в сочинениях, отстоящих от Слова Максима Грека почти на 300 лет в прошлое и в будущее — в «Слове о погибели Русской земли» («А в ты дни *болѣзнь* крестьяномь...») ⁴⁴ и в «Выбранных местах из переписки с друзьями», цитируемых в НИ ⁴⁵ (т. 5, с. 325—326): «Если только возлюбит русской

³⁴ Об этой традиции см.: В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 59.

³⁵ Имя Василии в связи с НПК упоминается в кн.: Н. Н. Евреинова. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 157.

³⁶ Максим Грек. Соч., ч. II. Казань, 1860, с. 321—322.

³⁷ Там же, с. 319.

³⁸ Там же, с. 320.

³⁹ Там же, с. 319.

⁴⁰ Там же, с. 336.

⁴¹ Там же, с. 337.

⁴² Там же, с. 320.

⁴³ 1.5 и 2.14 связаны фонологически: в первом случае ударные *у* и *о* в словах *Русь* и *боль* противопоставлены трем ударным *а*: «О, Русь моя! Жена моя! До боли...»; во втором — ударное *у* переходит в слово *будет*, *Русь* замещается *родиной* с ударным *о*, повторенным в *долго*; между тем *о* в слове *больна* становится безударным по сравнению с *о* в *до боли*, ударение здесь падает на *а*; соотношение ударных гласных и значимых слов в 2.14 перевернуто по отношению к 1.5. Ср. полемику о семантической обусловленности вокализма в третьей части НПК: Robert Abernathy. A Vowel Fugue in Blok. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1963, VII; Nils Åke Nilsson. Blok's 'Vowel Fugue': A Suggestion for a Different Interpretation. — Ibid., 1968, XI.

⁴⁴ Слово о погибели Руския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII века. Сообщение Хр. Лопарева. СПб., 1892, с. 24 (ПДП, т. LXXXIV).

⁴⁵ См. подробнее: З. Г. Мянц. Блок и Гоголь. — В кн.: Блоковский сборник, вып. 2. Тарту, 1972, с. 170—171.

Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. <...> *Без болезней и страданий*, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания». ⁴⁶ В свете приведенных выписок не исключено, что блоковское *долго* в 2.14 измеряет не только историческое, но и историко-литературное время.

Восприятие современниками блоковского образа Руси-жены было далеким от однозначности. В письме Горького к Д. Н. Семеновскому (от 31 января 1915 г.) читаем: «Все стихи, которые Вы привели в письме ко мне, я знаю и тоже считаю их книжными. Все, что сказано в них про Русь, не однажды говорилось Хомяковым, Аксаковым, это можно встретить у Языкова, даже у Огарева. Старо, книжно <...> Иногда Блок говорит смешные вещи, напр.: „О, Родина! Жена моя!“ Это вызывает у меня комическое впечатление». ⁴⁷ Комическое осмысление этого образа (притом, что «Исповедь» Горького была непосредственным поводом к написанию НИ) могло быть вызвано влиянием метрического контекста цитируемых Горьким стихов. Значительная часть первого отрывка НПК представляет собой чередование пятистопных и двухстопных ямбов, которое традиционно приурочивается к комической поэзии. Однако у Блока этот размер встречается по преимуществу в некомических стихах, выступая как размер А. К. Толстого и Вл. Соловьева, в творчестве которых комическое и серьезное постоянно обменивались своими признаками, принципиально не разграничивались. ⁴⁸ Ориентация на соловьевский размер в НПК вполне понятна, если учесть место, отведенное Вл. Соловьеву в НИ и эпиграф к заключительному стихотворению цикла. Знаменательно, что обращение «О, Русь» (вообще говоря, возвращающее нас к СПИ: «О Русская земле!», с. 46) используется и Вл. Соловьевым в «*Ex oriente lux*» ⁴⁹ и в «Панмонголизме», ⁵⁰ то есть в текстах, особенно важных для формирования блоковской историософии. Отметим также, что именно в связи с мотивами СПИ в соловьевском творчестве появляется увлекавшая Блока идея воспроизведения исторических событий: «Пускай Пергам давно во прахе, Пусть мирно дремлет тихий Дон: Все тот же ропот Андромахи, И над Путивлем тот же стон». ⁵¹

Концепция циклического времени отзывалась у Блока не только в такой технике обращения к «чуждому слову», в силу которой цитата делалась многоуровневой, отсылающей сразу к нескольким, исторически следующим один за другим текстам, но и в широком использовании автоцитат, наслаивающихся на цитаты из других авторов. С этой точки зрения рифма, которая комбинирует уже разбиравшееся слово *боль* с *волей*, а также метафорический мотив пути в 1.6—7, не что иное как эхо блоковского цикла «Заклятие огнем и мраком»: «Там воля всех вольнее воля Не приневолит вольного, И болей всех большее боль Вернет с пути окольного!» (т. 2, с. 278; ср. «пустой путь» у Максима Грека). ⁵² В рам-

⁴⁶ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8. Л., 1952, с. 300. К Гоголю и Блоку, возможно, восходит тема *высокой болезни* у Пастернака.

⁴⁷ Цит. по: Л. И. Тимофеев. Творчество Александра Блока. М., 1963, с. 79.

⁴⁸ Подробнее см. об этом: Г. Левинтон. Две заметки о Блоке. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 60—62 (здесь же литература вопроса).

⁴⁹ Вл. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 81.

⁵⁰ Там же, с. 104.

⁵¹ Там же, с. 124.

⁵² Приведенная строфа из «Заклятия огнем и мраком» детально проанализирована Л. Флейшманом, который обнаружил в ней характерное и для НПК слияние фольклорного (заговор) и книжного источников: сочетание «болей всех большее боль» воспроизводит формулу Ефрема Сирина, усвоенную Нилом Сорским (Л. Флейшман. К интерпретации блоковского цикла «Заклятие огнем и мраком». — *Slavica Hierosolymitana*, 1977, vol. 1, p. 106—107).

ках НПК воля ассоциируется со стихами 1.17, 1.19 и 1.27—28, сталкивающимися мотивы кобылицы и покоя, которые, в частности, являются отзвуком пушкинской поэзии; первый из них уводит нас к анакреонтическому переводу Пушкина, а второй (полустишие⁵³ «покоя нет») полемичен по отношению к формуле: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». В сущности так же обращенно цитируется и «Кобылица молодая...»: у Пушкина — тема обуздания, у Блока — воли, но в обоих случаях присутствует брачная тематика (ср. и свадебное употребление слова *воля*).

В контексте стихов о Куликовской битве *воля*, казалось бы, должна была подразумевать освобождение Руси от Орды (ср.: «За рекой — *поганая орда*» (2.6) и строку «Под *изгом* ущербной луны» (4.8), где выражение «ущербная луна» намекает, помимо всего прочего, на мусульманский полумесяц). Но синтаксическое строение в 1.7 («стрелой татарской древней воли») не позволяет отделить *волю* от татарского начала.⁵⁴ Простейшее истолкование этого обстоятельства будет состоять в том, что здесь имеется в виду стрела вольных татар, и тогда *воля* должна связываться с номадизмом, степью и необузданной кобылицей, которая родственна не только пушкинскому образу, но и, бесспорно, гоголевской тройке,⁵⁵ а, с другой стороны, вызывает в памяти одно из центральных стихотворений «Кормчих звезд» Вяч. Иванова, написанное все тем же пяти-двухстопным ямбом: «Как мертвый вихрь, *несут нас глухо кони* — Нас Время мчит...».⁵⁶

Столь же амбивалентно значение слова *путь*: это *наш* (в черновике — *правый*, т. 3, с. 588) *путь*, отчасти подразумевающий *путь-дорогу* былин (ср.: «На пути — *горючий белый камень*», 2.5),⁵⁷ но сравнивается он с та-

⁵³ К концу стихотворения 1 становится правилом такое членение длинных строк, при котором первый отрезок стиха метрически совпадает с краткой строкой. Это подтверждается чтением Блока, подчеркивавшего параллелизм: *и мнет кобыль — и нет конца* (С. И. Берштейн. Голос Блока. — В кн.: Блоковский сборник, вып. 2. Тарту, 1972, с. 490, пример № 67).

⁵⁴ Ср. трактовку татарской стрелы как русской у Надежды Павлович: «И древнюю стрелу на Куликовом поле В кремлевских острях, в бойницах узнаю...» (Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — Блоковский сборник (вып. 1). Тарту, 1964, с. 468). Весьма вероятно, что, используя слово *воля*, Блок учитывал, помимо всех других контекстов, и реплику Протасова из «Живого труда»: «Эта степь, это десятый век, это не свобода, а воля» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 34. М., 1952, с. 22).

⁵⁵ Цитирование «Мертвых душ» в НПК обсуждалось многими исследователями; из ранних работ на эту тему см., например: М. Бабенчиков. Ал. Блок и Россия. М.—Пг., 1923, с. 45, и особенно: Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М., 1934, с. 295—296; наиболее тщательно гоголевские цитаты в цикле Блока раскрыты в ст. З. Г. Минц. Блок и Гоголь, с. 183, где к Гоголю возводится среди прочих и стих 1.21: «Мелькают версты, кручи»; ср. там же, с. 124, 155—156, 165, 173—174, 177, 184—185. Для интерпретации НПК в русле гоголевской традиции большой интерес представляет запись Блока от 26 октября 1908 г. о тройке, падающей в пропасть: «...задыхающийся гон тройки <...> Это — Россия летит неведомо куда — в *сине-голубую пропасть времен* — на разубранной своей и разукрашенной тройке <...> Кто же <...> *остановит* взмыленных коней...» (А. Блок. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, с. 117—118). Переключаясь с мотивами блоковского цикла (*обрыв* (1.3), *кручи* (1.21) и обращение: «Останови!» (1.22), эта запись прямо ведет нас от НПК к стихам: «Над бездонным *провалом в вечность*, Задыхаясь, *летит рысак*» (т. 3, с. 162). Гоголевская тройка в прозе Блока неоднократно именуется *бешеной* — эпитет из «Тройки» Некрасова. О других отражениях некрасовского стихотворения у Блока см.: В. Евгеньев-Максимов. Очерк истории новейшей русской литературы. Этюды и характеристики. Изд. 2-е. Л.—М., 1926, с. 182.

⁵⁶ Вяч. Иванов. Кормчих звезды. Книга лирики. СПб., 1903, с. 352.

⁵⁷ «Бел-горюч камень» встречается во многих жанрах фольклора, но такое следование элементов, которого придерживался Блок (*горючий белый*), знаком только былин; см.: Н. В. Васильев. Указатель к Онежским былинам Гильфердинга. — СОРЯС, т. LI, 1909, № 2, с. 67.

тарской стрелой (откуда и *боль*, и *из сердца кровь*, 1.25).⁵⁸ В 1.15—16 союз *и* сопрягает то, чему как будто надлежало быть противопоставленным, — «святое знамя», с одной стороны, «ханской сабли сталь» — с другой. Чрезвычайно весомое семантически слово *даль*⁵⁹ периодически соотносится то с татарским, то с русским станами. В 1.IV *даль* — это чужое пространство («Домчимся. Озарим кострами⁶⁰ *Степную даль*», 1.13—14), однако в 3.III та же самая основа употребляется применительно к русской стороне («И *вдали, вдали* о стремя билась, Голосила мать», 3.11—12). Аналогичным образом контрастируют между собой 3.IV («И, чертя круги, ночные птицы Реяли *вдали*, А над Русью...», 3.13—15) и 4.I («Опять за туманной рекою Ты кличешь меня *издали*», 4.3—4; ср. продолжение этой темы в 4.15—16: «Я вижу над Русью *далече* Широкий и тихий пожар»).⁶¹

Короче говоря, первая часть НПК, по всей видимости, несет в себе идею внутренней связи Руси и татар, столь очевидную в «Скифах» (поэтому «*вечный бой*» объясняется не только его «вечным возвращением», но и тем, что это — бой междоусобный, неразрешимый), и представление о татарском наследии в русской культуре,⁶² явно впитавшее традицию соловьевского «Панмонголизма». «Панмонголизм» и «Дракон» нашли отражение и в метрической структуре НПК. П. А. Руднев⁶³ продемонстрировал замену фольклоризирующего четырехстопного хоря, которым был написан черновик завершающего цикл стихотворения, четырехстопным ямбом, усмотрев в этом сдвиг от стилистически отмеченного к нейтральному, «ораторскому» размеру. Добавим к этому, что движение от хоря к ямбу сопровождалось у Блока переходом от строки: «Блеск светил заволочла» (т. 3, с. 589) — к точной цитате из «Дракона», повторяющей эпиграф: «Грядущий день заволочла» (5.4). Четырехстопный

⁵⁸ О сквозной теме пути в творчестве Блока см.: Д. Е. Максимов. Идея пути в поэтическом сознании Блока. — В кн.: Блоковский сборник, вып. 2. Тарту, 1972. В приводимом автором списке блоковских контекстов периода Третьего тома, в которых присутствует *путь* (с. 92—93), для нас наиболее существенны стихи: «*Путь степной* — без конца, без исхода...» (т. 3, с. 269); ср.: «Наш *путь* — степной» в 1.9 и мотив «пустого пути» у Максима Грека. Ср. замечания К. И. Чуковского о мотиве пустоты в блоковских стихах: К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. Пб., 1921, с. 65.

⁵⁹ З. Г. Минц показывает пушкинскую окраску этого слова у Блока: З. Г. Минц. Блок и Пушкин. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1973, вып. 306. Труды по русской и славянской филологии, т. XXI. Литературоведение, с. 249 и след.

⁶⁰ Ср. *костры* в хоре татар из кантаты «На поле Куликовом»: «Идут века... Бежит река <...> Шумят пиры... Трещат *костры* <...> И жар *костров* В разгар пиров — И *дальний зов* — на бой <...> В лязге сабель, в ржанье *кбней* <...> Мечи *стрелу* в ночную мглу <...> гони, *лети, скачи!*...» (т. 3, с. 373—374). К татарам в кантате, как видно, переходят все основные мотивы степной Руси.

⁶¹ Ср., вероятно, исходное для Блока толкование, данное А. А. Потемной фразе: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» (СПИ, с. 46): «„За шеломянемъ, за холмом, за горою“. Некоторые толкователи видят здесь географический термин, собственное имя водораздела; но „за горою“ может значить просто „далеко“» (А. А. Потемня. Слово о полку Игореве, с. 47).

⁶² См. также: Е. Богданов. На поле Куликовом, с. 420, 434; В. Н. Альфонсов. Тема России в лирике А. А. Блока в 1905—1916 гг. — Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, т. 164, ч. 1, с. 14. Идея «туранского элемента в русской культуре», по позднейшей формулировке Н. С. Трубецкого, привлекала к себе Блока вплоть до последних лет жизни: см. в дневнике Блока (т. 7, с. 416) перечень статей первого номера «Русской мысли» за 1921 г., где названа рецензия П. Н. Савицкого на книгу Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920); ср. в том же месте дневника географические термины в характеристике Горького, с которым связана и статья НИ.

⁶³ П. А. Руднев. Метр и смысл. — В кн.: *Metryka Słowiańska*. Wrocław et al., 1971, s. 78—82.

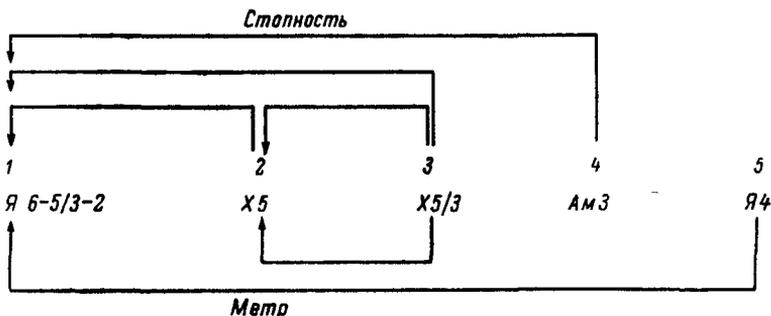
ямб возвращает — по правилам цикличности — к стихотворению 1⁶⁴ (также ориентированному, как говорилось, на метрический репертуар Вл. Соловьева) и, сверх того, связывает НПК с непосредственно окружающими этот цикл в Р текстах — предыдущим и последующим.

3

Открывающий вторую часть цикла оборот *мы, сам-друг* (2.1)⁶⁵ участвует в образовании лексического кольца, корреспондируя с *милым другом* последней строки стихотворения, благодаря чему становится осязаемым фольклорное — прежде всего брачное — значение слова *друг*, которое подкрепляется другими свадебными мотивами строфы 2.1 (Непрядва, предвосхищающая Непрядву-невесту, и лебединые крики).

Но формула *сам-друг* обладает исторической приуроченностью, впрочем, неоднозначной. Обычно это место в НПК трактуется как описание выхода в поле Дмитрия Волынца (Боброка) с Дмитрием Донским (тот же мотив в НИ, т. 5, с. 323). В пользу этого, если предполагать непрерывность ситуации в стихотворении 2, свидетельствует 2.III (слушание примет: «И, к земле склонившись головою...», 2.9); ср.: «Сниде Волынец с коня своего и паде на десное ухо к земли и лежа час и востав от земли и абие пониче к земле» (РспрСМП, с. 110). Особенно отчетливо подтверждается отождествление *мы, сам-друг* с двумя Дмитриями словами СМП 3: «Дмитрей ж Волынец, поим с собою великого князя *единого*, и выехав на поле Куликово...» (с. 60). Эта фраза есть только в третьей редакции, в остальных же с Волынцем едут князья Дмитрий и Владимир, а иногда и литовцы (ср. в ПС: «Князь и воевода стали под холмом и слушали землю», т. 4, с. 148). Присовокупим к этому, что с рассказом о приметах в СМП 3 («А твоего христолюбиваго вьинства много падет...», с. 61) переключается также реплика «друга»: «За святое дело мертвым лечь!» (2.12).⁶⁶

⁶⁴ Каждое стихотворение НПК связано с первым либо числом стоп, либо метром:

⁶⁵ Роль *мы* в НПК особенно значима на фоне регулярного *я* лирической поэзии, в том числе у Блока. Ср. в частотном словаре Первого тома *я*, занимающее третий «ранг» (1352 употребления), и *мы*, занимающее четырнадцатый «ранг» (269 употреблений): З. Г. Минц, О. А. Шилкина. Частотный словарь «Первого тома» лирики А. Блока. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. V. Тарту, 1974, с. 310.

⁶⁶ Н. Н. Евреинова обращает внимание еще на один источник этой реплики — речь великого князя перед войском: «...во утрии ж день имам вси пити общую чашу смертную поведеную...» (СМП 2, с. 24) — и сравнивает отрывок из НИ («заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле», т. 5, с. 323) со словами: «Слышав ж то, князь великий прослезися...» из СМП 3 (с. 61). См.: Н. Н. Евреинова. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 152—153. Вопреки мнению Н. Н. Евреиновой о «демократическом»

Несмотря на убедительность подобного прочтения 2.III, эта строфа может быть истолкована и как связанная с разговором Пересвета и Осляби в ЗД: «И рече Ослябя брату своему Пересвету: Уже, брате, вижу раны на теле твоём тяжки, пасти *главе твоей на сырую землю, на белую ковылу*, а брату твоему Иакову лежати на траве ковыле, на поле Куликове, на речке Непрядве, за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича» (с. 125). Такое сопоставление обосновывается присутствием в приведенном фрагменте ЗД мотива ковыля (ср.: «И мнет ковыль» (1.20); «Опять с вековою тоскою Пригнулись к земле ковыли», 4.1—2), восходящего в свою очередь к СПИ: «Чему, господине, мое веселие по ковылю развѣя?» (с. 54).⁶⁷ Непосредственно к СПИ нас адресуют стихи: «Светлый стяг над нашими полками Не възграет больше никогда» (2.7—8; ср.: «падоша стязи Игоревы», СПИ, с. 49), причем слово *полками* в этих стихах выступает как метонимия названия источника — «Слова о полку Игореве».

Приведем еще два аргумента, дающие основание видеть в формуле *мы, сам-друг* намек на Пересвета и Ослябю. Первый довод состоит в том, что в 2.IV содержится анаграмма этих имен:⁶⁸ «Я — не ПЕРВЫЙ воин, не ПОСЛЕДНИЙ, Долго будет родина БОЛЬНА, Помяни ж за раннею обедней Мила друга СВЕТЛАЯ жена» (ср. формы *Ослебя, Осляба* в СМП). Во-вторых, тема иночества, которая вводится именами Пересвета и Осляби, вполне согласуется с гоголевской проповедью, цитируемой Блоком в НИ: «Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, *всего себя умертвивши* для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она *зовет* теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже *душа в ней болит*, и раздается крик ее *душевной болезни*. Друг мой! или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастыря выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки *меч*, противный христиану, и *легли на кровавом поле битвы*...».⁶⁹ Двух последних фраз Гоголя нет в НИ — не потому ли, что имена монахов уже были зашифрованы в стихах? В свете гоголевской проповеди значимыми для интерпретации НПК становятся название статьи Блока о Вл. Соловьеве «Рыцарь-монах», законченной через год после написания цикла, и все стихотворение «Дракон» (а не только строки, взятые эпиграфом к последней части НПК): «*Наследник меченосной раги!* Ты верен знамени креста, Христов огонь в твоём булате <...>

редактировании Блоком текстов СМП, смешение Дмитрия Донского и Дмитрия Волынца в НИ скорее всего обусловлено совпадением их имен. Надо думать, что уже рассматривавшийся мотив тезоименности Дмитрия Донского был освещен для Блока авторитетом одного из его учителей — Жуковского: «И ты, неверных страх, Донской, *С чегой двух соименных*, Летить погибельной грозой На рать иноплеменных» (В. А. Жуковский. Стихотворения, т. 1. Л., 1938, с. 30). Важно отметить, что связь двух Дмитриев с *землей* у Блока актуализует этимологию этого имени, восходящего к имени Деметры (ср. соответствующие ассоциации, окружающие имя Дмитрия Карамазова; см.: М. С. Альтман. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975, с. 115—117). Пользуемся случаем поблагодарить А. Б. Грибанова за это и ряд других соображений.

⁶⁷ О мотиве пригнувшейся травы в НПК и СПИ см.: V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Neerfahrt Igor's», S. 573. Здесь же (S. 571) в качестве реминисценции из СПИ опознаны слова: «Остри свой меч» (2.10); ср.: «по-остри сердца своего мужеством» (СПИ, с. 44).

⁶⁸ Обзор работ об анаграммах, в том числе у Блока, см.: M. Meulakh. A propos des Anagrammes. — L'Homme, oct.-déc. 1976, XVI (4), p. 105—115. Здесь же см. материалы, исходя из которых можно предположить сознательное обращение к технике анаграмм в русской поэзии начала XX в.

⁶⁹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8, с. 301—302.

Но перед пастию дракона Ты понял: *крест и меч — одно*.⁷⁰ Эти параллели позволяют привлечь к рассмотрению балладу А. К. Толстого «Ночь перед приступом», в которой, как и у Вл. Соловьева, звучит мотив воин-иноков: «Всю ночь они морозную До утренней поры Рукою держат грозную *Кресты иль топоры* <...> *Молитесь богу, братия! Начнется скоро бой!* Я слышу их проклятия, И гиканья, и вой»⁷¹ (ср.: «Доспех тяжел, как *перед боем*. Теперь твой час настал. — *Молись!*», 5.15—16).

Зашифрованная тема Пересвета и Осляби получит дополнительное объяснение, если принять во внимание, что их имена — Александр и Андрей. Незадолго до начала работы над НПК (3 мая 1908 г.) произошел разрыв между Александром Блоком и Андреем Белым, и под этим углом зрения мотивы дружбы-вражды, пронизывающие весь цикл, оказываются биографически обусловленными. По-видимому, не случайно то обстоятельство, что в звуковом строе 2. II анаграммировано имя Блока, слитое с именем Белого: «... *белый* камень <...> *полками* <...> *больше* никогда»; ср.: «... над полем *Куликовым* <...> *словно* облаком суровым» (5.1—3) и анаграмматические псевдонимы, придуманные Блоком для шуточной программы журнала «Весы»: «А. Б., Ал. Бл., Александр Блок, Клоб, Колб, Оклб, Локб, Лбок...» (т. 7, с. 442). Восторженно принявший НПК Андрей Белый откликнулся на этот цикл неоднократно, в частности в романе «Петербург» (ср. тему городов в НИ): «Желтые полчища азиатов, тронувшись с насыженных мест, обогрят поля европейские океанами крови; будет, будет — Цусима! Будет — новая Калка! Куликово поле, я жду тебя!».⁷² В этот ряд следует поместить стихотворение с показательным заглавием «Современникам», где подчеркнуты соловьевско-блоковский мотив облака, сохраняющий этимологическую фигуру НПК («И словно *облак обволок* Порядок строя мирового»), а также мотив примет и прислушивания к голосам земли: «И я к *груди земли* приник И понял: в гром землетрясений Склоняет исполненный лик Из дней глаголющий нам Гений. <...> И видел там, за *громом* биле Восстане Светлого Завета В волне рыданий и молитв, И *набегающего Света*».⁷³

Приметы Дмитрия Волынца, составившие один из подтекстов стихотворения 2, вырастают и в третью часть цикла. Их функция в НПК остроумно прокомментирована В. Паперным: «Цитация семантически обоснована: через цитаты дается тема предчувствия, предсказания будущего».⁷⁴ Именно к этой теме по преимуществу относятся мотивы птиц в НПК (ср.: «Орлий клекот над татарским станом *Угрожал бедой*», 3.17—18), которые в большинстве своем имеют аналоги в рассказах о приметах древнерусских текстов. Так, только что процитированные строки, а также стихи: «... чертя круги, ночные птицы Реяли вдали» (3.13—14)⁷⁵ — на-

⁷⁰ Вл. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 137.

⁷¹ А. К. Толстой. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937, с. 217—218.

⁷² Андрей Белый. Петербург, ч. 1. М., 1928, с. 125. Ср.: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока..., с. 64, 68.

⁷³ Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, с. 361. Говоря о рефлексах НПК в поэзии 1910-х гг., целесообразно указать на то, что имена Пересвета и Осляби мелькают в стихах Хлебникова, явно подхватывающих блоковскую традицию: «*Диким копыем Востока* Страна Русь сняла цепи татар (ср.: «стрелой татарской древней воли», — Г. Л., И. С.). *Пересвет и Ослябя* — два чернеца, Чьи бороды подобны лесному озеру, Вы, Куликовы поля, полные Синих озер, *между провели*» (В. Хлебников. Собр. произведений, т. 3. Л., 1931, с. 76—77).

⁷⁴ В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока..., с. 65; ср.: З. Г. Минц. Лирика Александра Блока, вып. 4. 1910-е годы. Тарту, 1975, с. 126—127.

⁷⁵ Ср. у Мандельштама в стихах, посвященных Смутному времени: «Сырая даль от *птичьих стай чернела*» (О. Мандельштам. Стихотворения. Л., 1973, с. 98).

ходят соответствие в СМП 3 («По десной же стране *плъку татарскаго ворони кличуще, и бысть трепет птичей, велик велми*», с. 60) и вместе с тем обнаруживают родство с СПИ и ЗД. *Ночные птицы* — антитеза *тихих зарниц* («А над Русью тихие зарницы Князя стерегли», 3.15—16; ср.: «Широкий и тихий пожар», 4.16). О тишине же ведется речь в НИ: «*Над городами стоит гул, <...> такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди. Среди десятка миллионов царствуют как будто сон и тишина. <...> Над русским станом полыхала далекая и злобная зарница*» (т. 5, с. 323). Если очевидным образом картина современности в НИ сравнивается с ночью перед Куликовской битвой, то неявно она включает в себя мотивы некрасовского стихотворения, проясняющего происхождение *тихих зарниц* в НПК: «*В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война, А там, во глубине России — Там вековая тишина*».⁷⁶ Точно так же цитатен *тележный скрип*, упоминаемый в НИ в соседстве с *плещущими лебедями*: «*Крычать тѣлѣгы полуноцы, рци, лебеди распущени*» (СПИ, с. 46, ср.: ЗД, с. 123). Еще раз это место СПИ было процитировано Блоком в стихотворении 1910 г.: «*Соколов, лебедей в степь распустила ты — Кинулась из степи черная мгла...*» (т. 3, с. 259). Наконец, в НПК содержится все та же тема лебедей («*За Непрядвой лебеди кричали*» (2.3); «*Слышал я Твой голос сердцем вещим В криках лебедей*» (3.7—8); «*Над вражьем станом, как бывало, И плеск и трубы лебедей*», 5.11—12), скрецивающая в себе одновременно несколько значений. Помимо приведенного выше сравнительного оборота СПИ, она указывает еще на образ *плещущей крылами Девы-Обиды*, на тексты ЗД и СМП, где лебеди сопоставляются с татарскими, а соколы — с русскими воинами, и на свадебный обряд (ср. в ПС: «*В камышах поднимает голову разбуженный лебедь и кричит трубным голосом навстречу восходящему солнцу. <...> Лебедь кричит и бьет крылами. Наполняя воздух страстным звоном голоса, вторит ему Фаина*». За этой ремаркой следует реплика Фаины: «*Приди ко мне! Я устала жить! Освободи меня! Не хочу уснуть! Князь! Друг! Же-*

⁷⁶ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 2. М., 1948, с. 40. Если учесть мотивы жертвенной крови и заката в 1.25 («*Закат в крови! Из сердца кровь струится!*»), то блоковская *тишина* может быть соотнесена со сходным мотивом в «Менаде» Вяч. Иванова (последними четырьмя трехстишиями этого стихотворения заканчивается статья Блока «Вопросы, вопросы и вопросы» — прямое продолжение НИ): «*Скорбь нашла и смута на Менаду, Сердце в ней тоской захолоуло <...> С сердцем, бьющимся, как сокол <...> С сердцем, яростным, как солнце Поутру, Поутру, С сердцем, жертвенным, как солнце Ввечеру, Ввечеру <...> У последнего порога, сердце стань <...> Жертва, пей из чаши мирной Тишину, Тишину!*» (Вяч. Иванов. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 163—164). Сама ассоциация двух враждующих идеологических лагерей с русским и татарским станами, по-видимому, восходит к повести шестидесятника В. А. Слепцова «Трудное время»; ср. диалог героини этого текста Марьи Николаевны Щетининой с другом семьи Рязановым: «*Она улыбнулась и начала перелистывать лежавшие на столе „Отечественные записки“*».

— Скажите, пожалуйста, — заговорила она, положив руку на книгу, — что же вы-то здесь видите?

— В этих книжках-то? — спросил Рязанов и, подумав, отвечал: — Вижу я битву на Куликовом поле, слышу стук мечей, конское ржание и стоны умирающих. „Инде татаре теснят россиян, инде россиянин теснит татарина...“, а еще больше того вижу подвигов гражданской глупости, свойственной мирным россиянам.

— А после этого вы сами можете писать?

— А почему ж мне не писать?

— После того, что вы говорите?

— После этого-то и можно; а если бы ничего этого не было, тогда и писать было бы незачем» (В. А. Слепцов. Избр. произведения. Л., 1970, с. 526).

них!», т. 4, с. 149). В своем брачном значении лебеди в НПК и ПС созвучны пушкинским образам (в «Сказке о царе Салтане» и «Полтаве») и врубелевской Царевне-лебеди (эта картина изображает жену художника, ее репродукция висела в шахматовской библиотеке Блока);⁷⁷ ср. стихи из цикла «Распутья», которые, по признанию поэта (т. 1, с. 631), были написаны под впечатлением живописи Врубеля: «И Царевна, гостю рада, Встанет с ложа сна <...> И поднимет щит девица, И опять вдали Всадник встанет <...> Мы опять расплещем крылья, Снова отлетим!» (т. 1, с. 320—321). В этом аспекте весьма вероятно, что слова о «высоких и мятежных днях» (5.10) содержат в подтексте тему врубелевского «Демона», тем более что рядом с ними отыскивается анаграмма имени художника: «Над Вражьим станом, как бывало, И плеск и тРУБы Лебедей» (5.11—12).⁷⁸

4

Несмотря на очевидную многозначность местоимения *Ты*, проходящего через НПК (и все блоковские стихи), все же нельзя не уловить определенной согласованности между его разными значениями, которая была актуальной для поэта уже тогда, когда он записал в дневнике: «Возвращаясь опять к стихотворению Соловьева „Свет из тьмы“ <...>, зададим себе вопрос, кто ЭТА „Ты“ этого и многих подобных стихотворений (они есть у всех поэтов)? Ответим же словами прежде всего Гете, а потом и всей позднейшей гениальной плеяды ему подобных: das ewig Weibliche. <...> Итак, поэтов занимает „Царь-Девица“» (т. 7, с. 52). Говоря о мистической Вечной Женственности, соловьевской Софии,⁷⁹ Блок воспользовался фольклоризированным названием стихотворения Я. П. Полонского. Смешение мистического, религиозного и фольклорного начал нам придется наблюдать и в НПК,⁸⁰ особенно при переходе от третьей к четвертой части (так, в 4.4 *Ты* вынесено в начало стиха и поэтому невозможно определить, какой смысл — сакральный или не сакральный — вложил Блок в данном случае в заглавную букву местоимения, регулярную в стихотворении 3).⁸¹

Неодноплановость блоковского словоупотребления в свое время обсуждалась Ю. Н. Тыняновым на примере глагола *отошла* (умерла или ушла?) в стихотворном предисловии к Р: «Ты отошла, и я в пустыне К песку горячему принял», где *Ты*, так же, как в 4.4, помещено в начало стиха. Значение глагола *отошла*, согласно Ю. Н. Тынянову, «представляет колеблющимся между двумя основными признаками, пока дальнейшая лексика не создает среду, благоприятную для ассоциации

⁷⁷ См. подробнее: В. Альфонсов. Слова и краски. Очерки из истории творческих связей поэтов и художников. М.—Л., 1966, с. 13 и след.

⁷⁸ Именно от этих блоковских стихов (но и от былины) ведут происхождение образы лебедей в «Элегии» Введенского: «Не плещут лебеди крылами || над пиршественными столами || совместно с медными орлами || в рог не трубят победный» (М. Мейлах, А. Александров. Творчество А. Введенского. — В кн.: Материалы XXII научной студенческой конференции. Поэтика. История литературы. Лингвистика. Тарту, 1967, с. 115).

⁷⁹ Идея Софии у Блока подробно разбирается в: M. A. Lathouwers. Kosmos en Sofia. Alexander Blok: Zijn wereldbeschouwing en het Russisch Denken. Groningen, 1962.

⁸⁰ Еще один аспект блоковского *Ты* освещен Ю. Н. Тыняновым: «Не случайно стихи Блока полны обращений — „ты“, от которых тянутся прямые нити к читателю и слушателю, — прием, канонический для романа» (Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 122).

⁸¹ Ср.: Е. Богданов. На поле Куликовом, с. 421.

с церковнославянской лексикой <...> Нечего и говорить, что колеблющийся признак остается и после того, как определенлся здесь основной». ⁸² Эта «дальнейшая лексика» представляет собой прямые цитаты из литургических текстов и Писания; таковы гимнический оборот: «Не может вымолвить язык» — и ориентированные на Евангелие строки: «Сын Человеческий не знает, Где приклонить ему главу» (т. 3, с. 246). В этом окружении несколько неожиданно раскрывается новый подтекст сочетания *склонившись головою* из второго отрывка НПК, которое делается созвучным сакральной формуле «приклони ухо твое», бытующей в разных церковных песнопениях. Особенно знаменательно, что эта формула включалась в службу 8 сентября — в день рождества Богородицы (дата Куликовской битвы). ⁸³

Для дальнейшего изложения важно, что в русской традиции с Богородицей отождествлялась св. София: посвященный ей церковный праздник приходился на день рождения Богородицы, а позднее — на 15 августа (успение Богородицы). ⁸⁴ Именно 15 августа полки Дмитрия Донского, выступившие против Мамаея, встретились в Коломне (ср. видение Богородицы в Успенском соборе перед сражением в стихе о Дмитровской субботе). ⁸⁵ Блок мог знать статью А. И. Никольского о Софии Премудрости Божией как воплощении божественного логоса (ср. магистральную в НПК тему предчувствия будущего) и соответствующие древнерусские тексты, опубликованные этим автором. Не исключено, что метафора «*Одеяние света <...> будущего света покоя*» являет, ⁸⁶ содержащаяся в изданном А. И. Никольским извлечении из рукописного сборника Чудова монастыря (XV в.), была положена Блоком в основу строки 3.23: «Ты сошла в одежде, свет струящей» (ср. также отрицание

⁸² Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924, с. 93.

⁸³ В связи с мотивом склоненной к земле головы в 2.9 и темой богородичного чуда в следующей части НПК ср. параллелизм зачинов в стихотворениях 2 и 3: «Мы, сам-друг, над стенью в полночь стали» (2.1) — «В ночь, когда Мамай залег с ордою *Стени* и мосты» (3.1—2). Крайне любопытно, что в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» Блок пишет: «... человек — сам-друг *с природой*» (т. 5, с. 59). Соблазнительно предположить, что в стихотворении 2 скрыто присутствует «Богородица мать сыра земля» Достоевского (ср. выше о Дмитрии Карамазове). Если это так, то строка 1.26: «Плачь, сердце, плачь...» — должна быть воспринята, в частности, как отголосок рассказа Хромоножки: «... а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 10. Л., 1974, с. 116). Эта параллель будет выглядеть более аргументированной в свете статьи «Безвременье»: «Смерчи обходят стороной равнину, на которой мы слушаем Тишину. *Приложим ухо к земле родной и близкой: бьется ли еще сердце матери?*» (т. 5, с. 82). В близком соседстве с этим — реминисценция темы Достоевского: «А что, если вся тишина земная и российская <...> соткана из паутины? Если жирная паучица тклет и тклет паутину нашего счастья...» (там же). Вся предположенная здесь гипотеза поддерживается стихами 1.21—22: «И нет конца! Мелькают версты, кручи... Останови!». Последнее слово адресует нас уже не к Гоголю (см. выше), а к той интерпретации финала «Мертвых душ», которая была дана прокурором в «Братьях Карамазовых»: «Вспомните, что вы *защитники* правды нашей, *защитники* священной нашей России, ее основ, ее семьи, ее всего святого! <...> роковая тройка наша несется стремглав и, может, к погибели. И давно уже в целой России простирают руки и зывают *остановить* бешеную, беспардонную скачку» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 15, с. 150).

⁸⁴ А. И. Никольский. София Премудрость Божия. (Новгородская редакция иконы и служба Св. Софии) — Вестник археологии и истории, 1906, вып. 17, с. 102.

⁸⁵ Н. Н. Евреינוва отметила, что этот духовный стих разбирался в лекциях И. А. Шляпкина — университетского учителя Блока (Н. Н. Евреינוва. Цикл стихов Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 163). Ср. упоминания Новгородской Софии в Повести об Александре Невском и Киевской Софии — в СПИ.

⁸⁶ А. И. Никольский. София Премудрость Божия, с. 79.

покая в 1.27, которое предшествует умиротворяющему герою чуду). В Службе св. Софии С. И. Шаховского, также опубликованной А. И. Никольским, Божественная Мудрость величается «дивным чудом»⁸⁷ (ср.: «Явись, мое *дивное диво!*», 4.25) и соплагается с целебными дья верующих в нее зорями (ср.: «тихие *зарницы* Князя *стерегли*, 3.15—16) и с просветленными сердцами (ср.: «Вздымаются *светлые мысли* В *растерзанном сердце* моем», 4.21—22; «Быть *светлым* меня *научи*», 4.26): «... *просвети сердца* верующих в *тя чудесными зарями*, и *душевные* наши и *телесные болезни исцели*».⁸⁸ Остается сказать, что св. София, как и Богородица, — это защитница отечества от внешней и внутренней опасности: «... о *миосердая Владычице*, *спаси рабы* своя <...> от *нахождения иноплеменных* и *междоусобных брани*...».⁸⁹

Охранительная функция Богоматери, как известно, отражается во всех богородичных службах,⁹⁰ но в наибольшей степени — в празднике Покрова, о котором, кстати, говорится в «Ночи перед приступом» А. К. Толстого. В то же время в фольклоре Покров наделян брачным смыслом, рассмотренным Блоком в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (т. 5, с. 56). В богородичной теме НПК эти две линии переплетаются между собой. Так, рифма *мосты* — *Ты* в 3.1 связана и со свадебной символикой, и с литургическим наименованием Богородицы «мостом»: «Радуйся, *мосте*, переводяй *суших* от *земли* на *небо*»⁹² (ср.: «И с *туманом* <...> Прямо на *меня Ты* сошла», 3.21—23). Река-невеста имеет не одно лишь фольклорное происхождение, так как в концовках первого кондака и каждого икоса акафиста Богородице повторяется восклицание: «Радуйся, *невеста невестная*»⁹³ — а кроме того, там же присутствует стих: «Радуйся яко *многотекущую* *источаеши реку*»⁹⁴ (откуда, может быть, — «Серебром *волны* блеснула *другу*», 3.25).⁹⁵ Характерно, что большая часть богородичных мотивов НПК перешла в тексте кантаты на ту же тему в арию Невесты: «Выхожу — и стою *на мосту* <...> И *смотрю* <...> Как из той из *туманной дали* Чередой *потянулись*, как *встарь*, *Гуси, лебеди*, да *журавли* <...> Ах, когда *на призывы мои* Он *вернется* из *дальней дали?*» (т. 3, с. 374).

⁸⁷ Там же, с. 81.

⁸⁸ Там же, с. 82.

⁸⁹ Там же, с. 88.

⁹⁰ Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество (по современным Мняням). Париж, 1951, с. 50—51.

⁹¹ Богородичные службы, разумеется, были известны Блоку из повседневной практики. Ср. у Пастернака: «В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв, от Пушкина, в „Отцах пустынных“ пересказавшего Ефрема Сирина, и от Алексея Толстого, перекладывавшего погребальные самогласны Дамаскина стихами, Блоку <...> куски церковных распевов и чтений дороги в их буквальности, как отрывки живого быта...» (Б. Пастернак. Люди и положения. — Новый мир, 1967, № 1, с. 229).

⁹² С. Псарев. Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии на славянском и русском языках. — Христианское чтение, 1909, № 11, с. 1489.

⁹³ Там же, с. 1483.

⁹⁴ С. Псарев. Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии на славянском и русском языках. — Христианское чтение, 1909, № 12, с. 1610.

⁹⁵ Строки 3.27—28: «Освежила пыльную кольчугу На моем плече», которые Н. Н. Евреинова возводит к плачу Ярославны (Н. Н. Евреинова. Цикл стихов Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 164), столь же правомерно поставить в зависимость от средневековой легенды о Богородице, утирающей пот жонглеру. Ср. использование слова *волна* в стихотворении, которое в первой публикации называлось «Дева-Обида»: «Вот она — в налетевшей волне Распылалась последнею мутью, В камышах пробежала на дне...» (т. 1, с. 251). После снятия заголовка исчезла и определенность местоимения *она*, которое стало криптонимическим и близким по своей функции к *Ты* в НПК.

Концовка стихотворения 2 вводит в НПК тему причитания воеводских жен из ЗД и, по-видимому, тему плача Ярославны («Помяни ж за раннюю обедней», 2.15 — «Ярославна рано плачеть», СПИ, с. 54). Эта концовка сразу и отделяет вторую часть от третьей в силу противопоставления жены невесте-Богородице (ср.: *княжна, фата*), и спаивает слагаемые НПК в единое целое (ср.: *светлая жена и в одежде, свет струящей*). Поэтому Ты ассоциируется, помимо прочего, с Русью-женой вступительного раздела НПК, хотя и не совпадает с ней полностью. С этой точки зрения позднее утверждение Блока, что вся его лирика — «о России», не противоречит признанию, сделанному им в беседе с Н. Павлович: «Они (Незнакомка и Прекрасная Дама, — Г. Л., И. С.) противоположны <...> А Россия — это особая статья»⁹⁶ (последняя фраза цитирует Тютчева: «У ней особенная статья»)⁹⁷ Разные ипостаси женского образа России были обобщены Блоком в НИ: «...можно любить мать, сестру и жену в едином лице родины — России» (т. 5, с. 321). С Россией, стало быть, отождествима и причитающая мать в стихах 3.11—12⁹⁸ («И вдали, вдали о стремя билась, Голосила мать»; ср.: «Ты кличешь меня издали», 4.4),⁹⁹ которая, с другой стороны, вовсе не случайно появляется именно в отрывке, живописующем чудо Божьей Матери.¹⁰⁰

Предельный случай разноречивости Ты — строка: «Явись, мое дивное диво!» (4.25), в которой рассмотренная выше литургическая реминисценция вступает во взаимодействие с былинной («диво дивное, чудо чудное»)¹⁰¹ Весьма правдоподобно, что к тому же это обращение опирается на вступление к «Слову о погибели Русской земли» (вспомним, что оттуда тянется тема болезней родины): «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! и многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси <...> польми дивными...»¹⁰² Быть может, Блок строил этимологическую фигуру *дивное диво*¹⁰³ по образцу этимологических фигур первого предложения этого памятника, взяв в качестве материала для нее корневую морфему глагола *удивлена* и прилагательного *дивными* из следующих предложений. Наконец, композиционная соотносимость стихов: «Явись, мое дивное диво!» и «Ты кличешь меня издали...» (первый стих последней и последний стих первой строф четвертого стихотворения) — наводит на мысль об их зависимости от СПИ: «Дивъ, кличеть врѣху древа» (с. 46). Блоковская концепция символического возвращения, единства разновременных и внешне не сопоставимых явлений спо-

⁹⁶ Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке, с. 485.

⁹⁷ Ф. И. Тютчев. Лирика, т. 1. М., 1965, с. 210.

⁹⁸ О реминисценции из «Тараса Бульбы» и одновременно из СПИ в этих стихах см.: V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igers»; ср.: З. Г. Минц. Блок и Гоголь, с. 154.

⁹⁹ В теме жены—невесты—Богородицы в НПК ошутима биографическая подоплека, которая будет очевидной, если напомнить о дневниковой пародии Блока на пушкинского «Рыцаря бедного» («Л. Д. М. — своею кровью — Начертал он на щите», т. 7, с. 64) и сличить с этим отрицающие пародийное переосмысление Пушкина строки 3.31—32 в НПК: «Был в щите Твой лик нерукотворный Светел навсегда». Для этой пушкинской традиции у Блока важна посредствующая роль «Идиота». Ср. отмечавшуюся исследователями связь темы князя у Блока со свадебным князем в «Бесах» и — соответственно — с князем Мышкиным.

¹⁰⁰ Ср. у Ахматовой: «Магдалина билась и рыдала <...> А туда, где молча мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел» (А. Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 193).

¹⁰¹ Подробнее об этой былинной формуле см.: С. Ю. Неклюдов. Чудо в былинне. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. IV. Тарту, 1969.

¹⁰² Слово о погибели Руськой земли..., с. 18.

¹⁰³ Ср. еще одну этимологическую фигуру НПК: *облаком заволокла*. Об этом приеме в поэзии Блока см.: О. Г. Ревзина. «Грамматические ошибки» Блока. — Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 161—162.

собна объяснить эту крайне странную на первый взгляд сопричастность Богородицы и оцененного в СПИ отрицательно языческого существа.¹⁰⁴ Стоит добавить, что Блок, учившийся у А. И. Соболевского, вероятно, был осведомлен о связи слова *Див* с первичным индоевропейским названием бога и, кроме того, принимал во внимание текст ЗД, где «Див кличет в русской земле под саблями татарскими» (с. 126).

Именно превращение исторического времени в циклическое, то есть в ритуальное, время предопределило интерес Блока к суточному и годовому церковному кругу, к свадебному обряду и другим основанным на воспроизведении начальных состояний явлениям культуры. Конспектируя выступление Ф. Ф. Зелинского, Блок записывает в дневнике: «Стихи — это молитвы» (т. 7, с. 22). Блоковский цикл не только впитал в себя литургические цитаты, но и непосредственно воспроизводит ситуацию молитвы, обрываясь побудительным *молись*. За этой ситуацией проступают молитва воинов *перед* Куликовской битвой, изображенная в СМП, и поездка Игоря к Богородице Пирогощей *после* бегства из плена (ср.: «Аминь» в концовке СПИ). Противопоставленность «до» и «после», первого и последнего становится несущественной в подытоживающем развертывании цикла слове, подобно тому как она была несущественной для вводной строфы, причем подчеркивающая эту мысль строка: «Я — не первый воин, не последний» (2.13) строится Блоком по аналогии с содержащим то же двойное отрицание стихом 2.2: «Не вернуться, не взглянуть назад», и тем самым снимает контраст между двумя первостепенными для НПК темами прямого пути и круга. Интересно, что в самой организации текста НПК можно наблюдать ритуальную сакрализацию центра: третье — «богородичное» — стихотворение расположено точно посередине цикла (ему предшествуют 11 строф и столько же следуют за ним). Этому не противоречит сакральное *молись* последнего стиха, предполагающее начало нового тура исторических действий, аналогичных описанным, и поэтому попадающее как бы в центр некоторой временной последовательности.

Блоковский цикл упорядочивается таким способом, что каждое стихотворение (за исключением отчасти первого) повторяет движение от тьмы и ночи к свету и дню (ср. цитировавшийся выше разбор Блоком стихотворения Вл. Соловьева «Свет из тьмы»). Во второй части *полночь* в 2.1 противостоит *ранней обедне* и *светлой жене* в 2.15—16 (при том, что о развещающемся *светлом стяге* (2.7) говорится как о чем-то относящемся к области невозможного). Третий раздел открывается словами *в ночь*; далее появляются: *темное поле* (3.3),¹⁰⁵ *ночные поля* (3.6), *с полуночи* (3.9), *ночные птицы* (3.13), *туман* (3.19, 21), и только после стиха 3.23 начинают накапливаться образы, означающие «светлое», «дневное»: *одежда, струщая свет* (3.23), *блеск волны* (3.25). *Наутро* финального четверостишия контрастирует с обстоятельством времени

¹⁰⁴ Ср. суждения П. Флоренского о пародийности блоковского творчества по отношению к культуре: П. Флоренский. О Блоке. — *Путь*, 1931, февраль, № 26, с. 86—109. Ср. также: К. Чуковский. Книга об Александре Блоке, с. 18—19. Интересное сдвоение богородичного мотива с цитатой из СПИ находим в «Страстном пятке» Кузмина: «Плачет Дева, Распента зря... *Кровава заря*» (М. Кузмин. Эхо. Стихи. Пб., 1924, с. 30). В «Успении» — другом богородичном стихотворении этого сборника (подчеркнем блоковское название) — рифма *смутен он — сон*. Вызывает в памяти словосочетание СПИ «смутень сонъ» (с. 50), тогда как строки: «Ты и Дева и Мать святая, Ты и родина в пору гроз» (М. Кузмин. Эхо, с. 27—29) явно ориентированы на НПК.

¹⁰⁵ Это обычное место действия символистской поэзии; ср. у А. Добролюбова: «Я ль в поле темном? я ль в поле темно?..» (А. Добролюбов. Собр. стихов. М., 1900, с. 19).

строфы 3.I, с которым связывается *черная туча орды* (3.29—30). Последний отрезок этого стихотворения: «Светел навсегда» (3.32). Сходно распределяются свет и мгла в стихотворении 4: *туманная река* (4.3)—*ущербная луна* (4.8, 10)—*тихий пожар* (4.16), приуроченный к ночному времени (ср. рядом: «вольные тучи *Во мглистой ночной вышине*», 4.19—20) — *светлые мысли* (4.21, 23). Возникающий в 4.24 оксюморон *темный огонь*¹⁰⁶ сменяется затем вновь темой света: «Быть *светлым* меня научи» (4.26). Заключительный фрагмент цикла содержит мотив мглы и облака в строфах 5.I и 5.II, который отрицается стихами 5.9—10: «Но узнаю тебя, *начало* Высоких и мятежных *дней!*». Что касается вводного стихотворения, то в нем полярные свет и мгла предстают нерасчлененными в соответствии с таким же смешением русского и татарского начал; ср. особенно стихи: «В степном *дыму* блеснет *святое знамя* И *ханской сабли сталь*» (1.15—16), явственно ориентированные на кочующее по разным редакциям СМП описание русского войска: «Княз же великий поим брата своего <...> выехаша на место высоко и видев образ Спасов воображен *во христьянских знамених*, аки некия *светилницы* *солнечныя*, *луча испущающе и всюде светящися*, *озаряюще все христолоубивое воинство* <...> доспехи ж русския, аки вода сильная во вся ветры колебашесь¹⁰⁷ и шеломы на главах их, аки утренняя заря во время солнца ведренаго светящися» (СМП 2, с. 23).

Практически для всех элементов, составивших только что разобранный череду образов, нетрудно отыскать аналогии в древнерусской книжности или в литургическом творчестве, хотя универсальная распространенность оппозиции свет—тьма не позволяет с уверенностью установить конкретные источники части мотивов из этого ряда. Однако генезис строфы 5.II кажется достаточно определенным. О мгле здесь говорится, как о солнце: «*Взошла* и *расточилась мгла*», — и, следовательно, перед нами намек на картину солнечного затмения («Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты», СПИ, с. 44), причем второй глагол строки (*расточилась*) перенят Блоком из церковного обихода (ср. хотя бы Псалом 67,2: «Да воскреснет Бог, и *расточатся* врази Его...»). Стихи 5.1, 3, в которых проводится мотив облака над Куликовым полем, создавались, конечно же, с оглядкой на знамения описанные в СМП, и, возможно, на иконографию св. Софии. Круглое темное облако, согласно изложению А. И. Никольского, было изображено на новгородской иконе св. Софии.¹⁰⁸ Облако же фигурирует в видении, бывшем Фоме Хабычеву (СМП 2, с. 26), и в чуде, случившемся в полку князя Владимира Андреевича: «..над вами небо отверсто, из него ж изыде багряна заря и над вами ниско дрѣжашесь. Тои ж *облак* исполнен рук человеческих кояждо рука держаше венцы, ова потыри, ова проповеди пророческия...» (СМП 2, с. 30).¹⁰⁹ На сопричастность этим явле-

¹⁰⁶ Ср. в службе св. Софии С. И. Шаховского: «Мысленный виноград храм Софии Премудрости Божия <...> от него же изыде *огнь* божественный, *пожмгая* наша *душетленныя страсти*...» (А. И. Никольский. София Премудрость Божия, с. 90).

¹⁰⁷ Отсюда отблеск волны «на стальном мече» в 3.25—26.

¹⁰⁸ А. И. Никольский. София Премудрость Божия, с. 69—70.

¹⁰⁹ Ср. этот же сюжет в миниатюре из лицевого списка СМП: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище (ОЛДП, т. СХХV). СПб., 1907, табл. LIII. Несколько загадочные строки: «С *полуночи тучей возносилась* Княжеская *рать*» (3.9—10), которые были выше соотнесены с темой переправы через Дон, могут быть рассмотрены и в контексте знамений, коль скоро в этих стихах *рать* Дмитрия Донского как бы приравнивается к небесному воинству (ср. особенно Летописную повесть, подробно пересказанную С. К. Шамбинаго, — в ней полк святых, ангелы, св. Георгий вместе с Борисом и Глебом поражают татар).

ниям Богородицы указывает предваряющая их молитва Дмитрия Донского перед чудотворной иконой Владимирской Божьей Матери (ср. *лик нерукотворный*) и финальный апофеоз: «Храбрыя ж <...> со всех сторон грядуще, аки соколи слетаются под трубный глас весели, ликующе, ови богородичныя стихи поюще» (СМП 2, с. 34; ср. цитирование Акафиста Богородице в блоковском цикле). Однако образ Богородицы, нисходящей на ночное поле, отсутствует в редакциях СМП; он имеется только в духовном стихе о Дмитровской субботе: «...а видит он чисто поле Куликово. Изустаню поле мертвыми телами <...> По тому ль полю Куликову Ходит сама Мать Пресвятая Богородица <...> Со светлыми со свещами». ¹¹⁰ Видение Дмитрия Донского совершается во время *обедни*, на которой он присутствует вместе с «благочерною» Евдокией, и осмысливается им как знак приближения смертного часа, с чем надлежит поставить в связь стихи 2.15—16: «Помяни ж за раннею обедней Мила друга, светлая жена!».

5

Мотив рыщущего на белом коне всадника (4.IV—V) антитетичен мотиву степных кобылиц, прозвучавшему в начальном стихотворении цикла и подхваченному в четвертом разделе: «Умчались, пропали без вести Степных кобылиц табуны» (4. 5—6). Эту антитезу естественно понимать в плане противопоставления Руси и Орды. *Белый конь* сопричастен св. Георгию (ср. участие св. Георгия в битве в летописной повести). В народной традиции Егорию Храброму (сыну Премудрой Софии!) сопричастны и рыщущие («рыскущие») волки, ¹¹¹ причем в легенде о Егории и татарах герой напускает волков на Брагим-хана. ¹¹² С другой стороны, в «Слове о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича» читаем: «...а нечестивый Мамай без вести погыбе <...> и бысть тишина в Русьской земле...» ¹¹³ (кроме *без вести* в 4.5 ср.: «Я вижу над Русью далече Широкий и тихий пожар», 4.15—16). Тишина над Русью с этой точки зрения должна быть осмыслена уже не в соотношении с приметамы Дмитрия Волынца, но как тишина после боя, и тогда совершенный вид глагола *умчались* должен означать, что час нового сражения еще не настал. Выше говорилось о временной двойственности стихотворения 4, герой которого и прислушивается к звукам ведущейся где-то рядом битвы, и отделен от нее исторической дистанцией. В ПС аналогичный принцип временной организации был положен в основу монолога Германа: «А свежее войско весь день должно было сидеть в засаде, только смотреть, и плакать, и рваться в битву... И воевода повторял, остерегая: рано еще, не настал наш час. — Господи! Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. Но вот оно утро! Опять — торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва... а я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час!» (т. 4, с. 149; ср.: «Не знаю, что делать с собою», 4.11). В четвертой части НПК, таким образом, нарочито не различаются русский воин в засаде ¹¹⁴ и поэт, подоб-

¹¹⁰ П. Бессонов. Калекы перехожие, с. 674.

¹¹¹ П. Бессонов. Калекы перехожие, вып. 2. М., 1861, с. 440—456.

¹¹² О. Миллер. Хрестоматия к Опыту исторического обозрения русской словесности, ч. 1. СПб., 1862, с. 197—198.

¹¹³ Там же, с. 182.

¹¹⁴ Именно как рассказ о ратнике засадного полка истолкована эта часть цикла в: В. Н. Альфонсов. Тема России в лирике А. А. Блока в 1905—1916 гг., с. 16—18.

ный воину. Стихотворение же 5 в явной форме переводит действие в современность и делает бой метафорическим, родственным тому бою, о котором писали А. К. Толстой и Вл. Соловьев.

С двойственностью героя, воина и поэта, вполне согласуется использование Блоком слова *волк*. Объединяя всадника на белом коне со св. Георгием (в фольклорной интерпретации), оно наряду с этим включает стихотворение 4 в контекст СПИ, где с волком сравниваются как воины и князья, так и Боян. С зачином СПИ, посвященным Бояну, перекликаются далее строки 4.12, 21: «Куда мне лететь за тобой!» и «Вздыхаются светлые мысли»; ср.: «растѣкашется мыслию по древу, сърымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» (СПИ, с. 43); «скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы» (там же, с. 44). Зависимость предпоследнего раздела цикла от СПИ усиливается благодаря использованию Блоком слов *рокогы*¹¹⁵ и *рыцу* (то и другое отсылают все к той же вводной характеристике Бояна; ср.: «рища въ тропу Трояню чресь поля на горы» (там же, с. 44) — «Я рыцу <...> Встречаются вольные тучи Во мглистой ночной вышине» (4.18—20)).¹¹⁶ Наконец, фраза: «Развязаны дикие страсти» (4.7), по-видимому, в свернутой форме реализует главную тему СПИ — тему внутренней усобицы,¹¹⁷ причем идея разъединения подчеркивается у Блока консонансом *вести—страсти* (ср. тавтологическую рифму *мысли—мысли* в строфе 4.VI, расположенной симметрично по отношению к 4.II). Кроме Бояна, к волку в СПИ приравняются (в лагере русских) воины Всеволода в поле (то есть за границей своей земли), Всеслав, меняющий один кня-

¹¹⁵ В поэзии XIX в. *роког* и *рокогать* — слова-цитаты из СПИ: А. П. Евгеньева. Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокогать» и «трепетать». — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 26—31. Примечательно, что в балладе А. К. Толстого «Порой веселой мая...» есть и *роког* и *сам-друг*.

¹¹⁶ Но подтекст стихов 4.19—20 вмещает в себя и гоголевский образ мстителя из «Страшной мести»: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока... с. 64. Кроме того, эти стихи (как, возможно, и некоторые другие из предпоследнего раздела НПК) представляют собой отклик на «Кубок метелей» А. Белого (напомним, что в письме к А. Белому от 21 апреля 1908 г. (т. 8, с. 238) Блок резко критиковал «Четвертую симфонию», что послужило поводом к разрыву отношений между поэтами). Ср. проходящий через всю «Четвертую симфонию» образ вздымающегося над городом и миром всадника: «Над крышей вздыбился воздушный конь. Пролетая в небо, развеял хвост и ржал кому-то, качая гривой. На нем сидел метельный всадник, — белый-белый и страшный. На минуту блеснуло его копыце...» (Андрей Белый. Кубок метелей. Четвертая симфония. Изд-во «Скорпион», М., 1908, с. 18); «Ты лети, белый конь, как из снега сотканный! проголоси, всадник, гибким хлыстом по конской спине! Храбрый, храбрый, взрезай пространство, уносясь на бой!» (там же, с. 85; ср.: белый конь «Егория Храброго»). В этом же сочинении А. Белого находим мотивы богородичных песнопений (там же, с. 11, 43), метафорического боя (с. 17), кровавого заката (с. 93), явления Богородицы (с. 126), плещущих лебедей, о которых упоминается неоднократно (см., например, с. 136). Заманчиво думать, что в строке: «Развязаны дикие страсти» (4.7) иронически переосмыслется название третьей части «Кубка метелей» — «Волнения страсти». Еще одно текстуальное совпадение между прозой А. Белого и стихами Блока — это параллелизм словосочетаний «облок дней» в «Кубке метелей» (с. 158) и «день заволокла» в НПК (5.4). Крайне любопытно, что в «Четвертой симфонии» присутствует чудесное облако, из которого тянутся руки: «В открытых дверях храма с синего, с синего простора на паперть низринулся ясный облак. Нежно кропил он прохладой снега и алмазным цветом пляшущих сестер. Хрупкими, хладными снегами, будто мягкими бархатами, устлали паперть его белые, как цветы, опадающие руки» (с. 197).

¹¹⁷ О цитировании в 4.28 воплощающего точку зрения автора СПИ оборота: «Что ми шумить, что ми звенить» — см. выше. Ср. также стихи 3.7—8: «Слышал я Твой голос сердцем вещим В криках лебедей»; в СПИ мотивы вещей перстов и лебедей отнесены к Бояну. Как видно, тема поэта начинает исподволь формироваться уже в середине блоковского цикла.

жеский престол на другой, сам Игорь в момент бегства из плена, когда он находится меж двух станов. Подобное же промежуточное положение занимает «объятый тоскою могучей» (4.17) герой четвертой части блоковского цикла.¹¹⁸

Четвертый раздел, более остальных насыщенный цитатами из СПИ, из самого архаичного книжного пласта цикла, в то же время прокладывает путь от истории к эпохе Блока: чем ближе к настоящему, тем дальше в прошлое. Именно эта установка определила культурную функцию цикла «На поле Куликовом», ставшего одним из посредствующих звеньев между древнерусской традицией и поэзией XX в.

¹¹⁸ Гиперболы строфы 4.V (*могучая тоска*; герой, окруженный тучами) несут в себе мотивы богатыря — постоянного участника метафорического боя у А. К. Толстого, в стихах которого (баллада «Илья Муромец») обнаруживаем и одинокого всадника, отторгнутого от дружины (ср. также стихотворение «Двух станов не боец, но только гость случайный...», ср. выше о «двух станах» в НИ). Возможность биографической трактовки стихотворения 4 дает статья Блока о Ибсене: «По положению — он писатель, прославившийся, следовательно равно одинокий среди друзей и врагов. Да, это „жених, идущий навстречу невесте“ <...> носитель „королевской мысли“ о народе...» (т. 5, с. 311).